

«В ЭТУ ИГРУ ДОЛЖНЫ ИГРАТЬ ВСЕ»

УРБАНИСТ, ЗАВЕДУЮЩИЙ ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ КУЛЬТУРЫ, ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ И КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА, ГЛАВА ДЕПАРТАМЕНТА КУЛЬТУРЫ МОСКВЫ (В 2011-2015 ГОДАХ), ИДЕЙНЫЙ ВДОХНОВИТЕЛЬ АПГРЕЙДА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРКА КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА ИМЕНИ ГОРЬКОГО В МОСКВЕ СЕРГЕЙ КАПКОВ РАССКАЗЫВАЕТ О ТОМ, ПОЧЕМУ СОГЛАСИЛСЯ СТАТЬ ОБЩЕСТВЕННЫМ КОНСУЛЬТАНТОМ ГЛАВЫ БАШКИРИИ РАДИЯ ХАБИРОВА ПО РАЗВИТИЮ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ, О ПЕРСПЕКТИВАХ НОВОЙ УФИМСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ И О ТОМ, ЧТО УФИМЦАМ МЕШАЕТ ГУЛЯТЬ ВЕЧЕРАМИ.

Guide: Сергей Александрович, полгода назад глава региона Радий Хабиров пригласил вас консультантом для разработки стандартов благоустройства городов Башкирии, для «упаковки» проекта геопарка Торатау. Почему вы согласились?

Сергей Капков: У меня с Радием Фаритовичем был успешный работы в Москве, а потом в Красногорске. В Москве я часто с ним советовался по разным вопросам, а в Красногорске мы делали парк. Даже два парка. Людям нравилось. Когда он вернулся в республику, у него сразу появилась идея создать геопарк. Он сказал: это сложная задача, давай делать вместе, и мы начали.

G: Мы видели презентацию геопарка, но что будет дальше? Во что материализуется эта идея?

С.К.: Это на самом деле нелепое количество различных индивидуальных маршрутов. Для детей одно, для взрослых — другое, для людей, живущих в окрестностях Торатау — третье. Это большой интересный объем по содержанию.

G: Что самое сложное в работе над «упаковкой» этого проекта?

С.К.: Масштаб задач. Честно: самое сложное было упаковать все в голову. Это же более 4 тыс. кв. км территории. Можете себе представить. На территории есть все — от уникальных птиц, флоры, фауны до пещер и водопадов. И потом — всегда сложнее работать с объектом, где задача не развить, а сохранить — то, что тебе оставили предки, где не надо придумывать новую мифологию.

G: Как далеко вы продвинулись в этом проекте? Когда мы увидим результат?

С.К.: Буквально на прошлой неделе мы презентовали проект геопарка Торатау в Испании. Было еще несколько встреч в ЮНЕСКО, ООН. Мы вошли в контакт с другими геопарками мира — их на самом деле немного, всего около сотни. Но за что я уважаю Радия Фаритовича, так это за то, что он говорит: давайте не будем торопиться. Этой территории более 280 млн лет. Есть о чем подумать. Мы себе ставим сроки (завершения проекта. — G) от двух до пяти лет.

G: Большие надежды возлагаются на то, что вы вдохнете новую жизнь в городскую среду Уфы. Планируете этим заняться?

С.К.: Честно? Мы бы хотели многим здесь заняться, но пока Торатау перекрывает все наши другие возможности. Надеюсь, к комфортной городской среде Уфы мы подключимся в следующем году.

G: Ваши первые впечатления от города?

С.К.: Очень чистый, аккуратный город. В очень достойном состоянии. Есть города-миллионники много хуже, а у вас видно, что люди с уважением относятся к своей родине.

G: Что бы вы в первую очередь посоветовали делать в Уфе с точки зрения организации городского пространства?

С.К.: Мне кажется, вопрос ближайших лет — это пешеходные пространства. Это не то, что пешеходная улица, где не ездят автомобили, а пространства, где людям нравится гулять. Мы понемногу готовим концепцию, анализируем различные поведенческие сценарии людей. В Уфе сейчас такая же ситуация, как в Москве 10–15 лет назад: люди не гуляют вечерами. И это ведь не вопрос ширины тротуаров. Задача урбаниста — навязать такие новые поведенческие стереотипы, чтобы люди начали пользоваться своим городом. Думаю, когда новая набережная заработает в полную силу, она даст моду на пешеходные прогулки и начнется, если можно так сказать, пешеходизация Уфы.

G: Кстати, вы знаете, новая набережная неоднократно критиковалась за ее гигантизм, особенно в сравнении с не-

широким руслом реки, обилие бетона... А как вам она показалась?

С.К.: Я, может быть, буду необъективен: мне понравилось. Это не набережная в чистом понимании. Конечно, жителями она так воспринимается, но все-таки это инженерное сооружение, достаточно сложное, и вопрос в том, как его сделать пешеходным, велосипедным, как эту набережную обжить. Это вопрос малых архитектурных форм, благоустройства, кафе, других сервисов, проведения мероприятий. Как говорят у нас в Москве, ее надо намаливать. Это иллюзия, что если сделал тротуар, завтра все вышли гулять. Нет. К тротуару должна быть политика первых этажей, очень дружелюбное пространство, а оно не достигается количеством бетона, гранита или фонарей. Это определенная атмосфера. Это как хард и софт. На набережной хард создан. Вопрос, какое будет загружено содержание. В последний свой визит в Уфу я был на бывшей чаеразвесочной фабрике, где создано арт-пространство («Арт-квадрат». — G), и увидел большое количество молодых, содержательных людей. Так что думаю, набережная будет заполнена.

G: По вашему опыту сколько времени проходит от создания объекта до того, как он начинает «работать». В смысле притягивать людей.

С.К.: Мой опыт работы в парке имени Горького подсказывает, что это второй год после того, как у объекта появляется содержание. То есть, если говорить о набережной, то надо рассматривать летний сезон 2021 года. Потому что это достаточно сложно: люди ко всему новому относятся с недоверием, нужно время, чтобы обжить.

G: Вы, наверное, знаете о давнем соперничестве Башкирии и Татарстана, Уфы и Казани...

С.К.: Да и, честно говоря, не понимаю причин.

G: Так исторически сложилось: две братские соседние республики, у которых есть много общего и в культуре, и в структуре экономики... Но Уфа за эти 10–15 лет заметно просела по сравнению с Казанью.

С.К.: Я уверен, что Уфа догонит. Давайте будем объективными. На стремительное развитие Казани повлияли три вещи: тысячелетие, Универсиада и Чемпионат мира по футболу, когда были большие финансовые вливания. Вы, кстати, знаете, что советником президента Татарстана Рустама Минниханова по благоустройству работает моя бывшая помощница в департаменте культуры Москвы Наталья Фишман? Минниханову мы тоже помогали, но Уфа пройдет этот путь быстрее, изучив в том числе опыт Казани и других регионов. Просто надо набраться немного терпения.

G: В одном из ваших интервью в должности главы департамента культуры Москвы вы назвали его департаментом атмосферы Москвы. В Уфе нужно менять атмосферу?

С.К.: Задача любого урбаниста — сделать город комфортным. Это самое главное. Город — это не только здания, развязки, сеть общественного транспорта. Город — это люди, которые в нем живут, и надо с этой движущей силой разобраться. Из Уфы вышли два больших музыканта, через которые проходит нерв поколения: Юрий Шевчук и Земфира. Значит, есть какой-то витамин в воздухе! Значит, надо разобрать ДНК характера Уфы. Кстати, такого количества вкусовых, разнообразных ресторанов, подходов любым международным стандартам, как в Уфе, я не видел за пределами Москвы. Повар — это творческая профессия, и то, что в Уфе кухня на таком высоком уровне — креативная, разнообразная, это очень интересно.

G: Если бы вы были главой региона или мэром Уфы, какие бы первые шаги вы предприняли, чтобы прекратить разговоры о том, что «надо валить»?

С.К.: Это провокационный вопрос. Это в любом большом городе есть такие разговоры. И в Москве разговаривают, что надо валить кто в Питер, кто в Берлин. Города всегда конкурируют друг с другом за людей, всегда есть миграция. Да, одни люди уезжают, но приезжают другие.

G: Сейчас в обществе много агрессии. Комфортная городская среда может ее снизить?

С.К.: Думаю, это даже один из главных факторов. Комфортная среда формирует правила поведения людей. Понимаете, сложно уговаривать выкинуть мусор в урну, если урны нет. Сначала среду надо создать, год ее поддерживать, удалять людей, которые не придерживаются и не живут по этим правилам. Как говорит Андрон Кончаловский: хотите жить как в Европе, живите как в Европе. То есть не кидайте мимо урны и все прочее. Урбанистика — это не смена асфальта на плитку или на гранит или на новую плитку. Это смена управленческих решений и приоритеты. Вряд ли у нынешнего руководства республики стало больше денег, чем у предыдущего. Но изменились приоритеты, понимаете? В чем секрет успеха Москвы и Татарстана? У них есть программа, работающая из года в год. Башкортостан тоже начал это делать: республика, кстати, выделила денег на благоустройство больше, чем Татарстан — около 500 млн руб. Выставила семь заявок на федеральный конкурс по благоустройству малых городов и две выиграла. Это большой результат. То есть будут работать местные архитекторы, появится новая местная архитектурная школа.

G: Уфа через пять лет: как вы себе ее представляете?

С.К.: Чистый. Безопасный. Хорошо освещенный город. С некой логикой тактильной жизни, если так можно выразиться. То есть, когда ты понимаешь, где гулять, куда пойти, где в этом городе твои места. И должно быть два сценария: один летний, другой зимний. Потому что у нас все равно долгие зимы, и зимой нужно больше света, ярких пятен. Это может быть или декоративное освещение, или ярко горящие художественные формы. Что удалось Казани и что потеряла Уфа за прежние годы? Наверное, большой город должен иметь столичный лоск.

G: Одно из достоинств Уфы — ее ландшафт, три реки. Эти территории могут быть общественными пространствами?

С.К.: Мы обсуждали, но это большой, сложный проект. Он связан с системой городского транспорта. Конечно, им будут заниматься, но здесь надо учесть важный момент: во всех крупных городах, когда у тебя настоящий лес и природа в полчаса езды на машине, парки и общественные

пространства внутри города должны быть в другой логике: работать на того жителя, который остается в городе.

G: Одно дело городская и даже республиканская администрация, другое — застройщики, которые привыкли жить по своим правилам...

С.К.: Да, но здесь вопрос в том, что в эту игру (создание комфортной городской среды. — G) должны играть все: от рядового горожанина до крупной компании. Каким-то собственникам зданий должно быть стыдно, что они сидят в доме с обшарпанным фасадом. Поэтому все должны быть вовлечены в этот процесс. Это главное: объяснить людям, что это город для всех. Он всем им принадлежит.

G: Возможен ли в таких городах как Уфа эффект Уильямсберга — некогда заброшенный квартал в Бруклине, который заселили хипстеры, обустроили на свой лад, и теперь это фешенебельная часть Нью-Йорка?

С.К.: Есть целые учебники на эту тему: необжитые пространства захватывает молодежь, потом приходит модная публика вроде музыкантов и художников, а потом приходят девелоперы, которые все вычищают и строят недвижимость. В Москве такие районы есть, и в Питере, но в России это сложнее, потому что в отличие от европейских или американских крупных городов у нас довольно низкая мобильность населения. Если в Лондоне 70% населения живет в арендном жилье и меняет его в зависимости от места работы или ближе к хорошей школе, то у нас предпочитают покупать квартиры.

G: Вы сторонник того, чтобы в каждом районе города было хорошее общественное пространство или достаточно одного-двух крупных где-нибудь в центре?

С.К.: Обязательно в каждом районе, конечно. В городе должен быть центральный парк или место: во многих городах это набережная или центральная площадь, но должно быть общественное пространство в каждом районе, где люди могут погулять. Зачем им ездить в центр? Например, каждый москвич большую часть времени использует не больше 5% городской территории. То есть перемещается по определенному маршруту — работа, школа, магазин, любимое кафе. Вопрос в том, чтобы ваш повседневный маршрут был комфортен.

G: В Уфе большая проблема с сохранением культурного наследия. Как вы думаете, стоит ли продолжать за него бороться, или процесс утери памятников неизбежен?

С.К.: Культурное наследие важно на сто процентов! Проблема сохранения памятников истории и архитектуры есть везде: и в Москве, и в Венеции. Я считаю, что федеральный закон у нас не совершенный, и так еще сложилось, что в современной истории России на них не было денег. Это вопрос системной работы и давайте говорить честно: в Уфе не так много богатых людей, готовых в это играть. В Москве — да. Много амбициозных людей, готовых работать в историческом особняке ради статуса или открыть ресторан.

G: Все-таки какая модель поведения здесь может быть более эффективной: сверху, когда большой чиновник велит не рушить, а сохранять памятники, или когда общественность начнет выносить их мусор, красить на свои деньги, восстанавливать?

С.К.: Работает любая модель. Это вопрос уважения к традициям. Если растет интерес граждан к урбанистике, к своему городу, к окружающему себя миру — это и есть патриотизм. Меньше вандализма. Больше доверия между людьми. Я абсолютно уверен, что придет время, когда люди будут очень требовательны к окружающему их пространству. ■

подготовила НАТАЛЬЯ ПАВЛОВА